

Наконец настало день рождения Линь Исина, и Система 001 переживала даже сильнее Линь Шэня, ведь в десять часов утра этот тип всё еще спал.

Хозяин, вставай, вставай же! Не спи!

Кто тут, чёрт возьми, шумит, пасть закрой...

Хозяин, сегодня же день рождения главного героя, вставай скорее!

Линь Шэнь лежал на кровати без движения, а система снова принялась подгонять: — Хозяин, хозяин, хозяин, вставай!

Вставай чёрт лысый, вали отсюда...

Она — всемогущая, способная повелевать ветром и дождем высокочеловеческая система, а не какой-то будильник за пару юаней!

Хозяин, ты проспал уже десять часов! Наука доказала, что при слишком долгом сне нервные клетки угнетаются, а мозг тупеет. Со временем это приводит к ухудшению памяти и снижению интеллекта, и даже к...

Катись к чёрту, психопатка несчастная!

Линь Шэнь приподнялся на кровати и рявкнул: — Ты можешь хоть на секунду заткнуться? Какого чёрта ты орешь, людям вообще дать поспать или нет?

Линь Исин как раз приоткрыл дверь и вошел в комнату, когда услышал этот отчаянный и полный боли крик Линь Шэня...

Разве кто-то шумел...

Он ведь так тихо открыл дверь.

Линь Шэнь сидел на кровати по-турецки, ссутулившись, прикрыв глаза, и покачивался из стороны в сторону, словно собираясь рухнуть.

Линь Исин подошел, уложил Линь Шэня обратно на постель и бережно укрыл одеялом.

— Спи, тише, никто не шумит, спи дальше...

Он говорил очень тихо, мягко и приятно, отчего на душе становилось легко.

Линь Шэнь лежал на кровати с плотно закрытыми глазами и ровным дыханием — вылитая картина мирно спящего человека.

Видя, как сладко тот спит, Линь Исин улыбнулся.

Он поставил купленный завтрак у тумбочки, снял пуховик и теплые тапочки, а затем забрался под одеяло и обнял Линь Шэня.

Линь Исин только что вернулся с улицы, от него еще веяло холодом. Линь Шэнь почувствовал озноб, бессознательно нахмурился и слегка поморщился от дискомфорта.

Линь Исин разжал руки и отодвинулся чуть подальше.

Подождав, пока его тело немного согреется, он снова придвинулся и обнял Линь Шэня.

За окном тихо падал снег, под одеялом было тепло и уютно. Линь Исин прижимал к себе Линь Шэня и замороженно смотрел на него.

Тихо, про себя, он прошептал: — Шэнь-шэнь, Шэнь-шэнь...

Во сне Линь Шэнь издал тихое бормотание, словно отвечая на зов из глубины чужого сердца...

Сердце Линь Исина забилось быстрее. Немного нервничая, он протянул руку и коснулся лица Линь Шэня.

Он быстро оставил легкий поцелуй на лбу Линь Шэня, а затем, с чувством полного удовлетворения прижимая его к себе, закрыл глаза и тоже заснул.

Этот сон затянулся до часа дня.

Проснувшись, Линь Шэнь сел на кровати и погрузился в свою ежедневную медитацию. Немного погодя он отправился в ванную умываться.

Едва выйдя оттуда, он заметил в комнате Линь Исина. Тот держал в руках два пакета с рисовой лапшой и равнодушно спросил: — Проголодался?

— Голоден, голоден, до смерти голоден!

Линь Шэнь с ухмылкой подбежал, забрал лапшу, поставил ее на столик в комнате и тут же принялся уплетать.

— Эй, братец, неужели ты за ней на улицу бегал?

Линь Исин бесстрастно и коротко бросил: — Угу.

— С чего это мне кажется, что она из той самой лавки у школьных ворот? У них фирменный секретный соус чили, другие такой вкус повторить просто не в силах...

Линь Исин ничего не ответил. Держа палочки в руках, он ел с изысканной, утонченной элегантностью, в которой чувствовалась природная аристократичность.

— Да неужто ты и правда ходил к школе? На дворе зима, между прочим, да и школа не за углом.

Мысленно Линь Шэня прошибло: до какой же степени Линь Исин должен обожать ту лапшу...

Хотя он сам тоже души не чаял в их завтраках, но он бы ни за что не стал вести себя как дурачок, тащиться в такую даль в зимнюю стужу ради двух порций лапши.

Линь Исин бросил на него равнодушный взгляд и снова промолчал.

Вчера утром за завтраком Линь Шэнь вскользь обмолвился, что не прочь поесть из той лавки у школы. Судя по всему, Линь Шэнь об этом уже забыл.

Сам Линь Шэнь был беспечным человеком с толстой кожей, так что некоторые вещи приходилось запоминать за него.

Закончив завтрак, Линь Шэнь вдруг вспомнил, что сегодня вообще-то день рождения Линь Исина. Но сейчас уже почти два часа дня...

Система 001, разве так можно подставлять своего хозяина?

Линь Шэнь прождал довольно долго, но так и не услышал развратного голосочка системы...

Зависла? Подхватила вирус? Убежала куда-то развлекаться? Почему она его игнорирует?

Взгляд Линь Исина слегка потемнел, в нем промелькнула тень одиночества. Тихим голосом он произвел: — Шэнь-шэнь, ты, похоже, не рад.

— Нет-нет, я ужасно рад! — Линь Шэнь тут же изобразил лучезарную улыбку. Сегодня всё-таки день рождения Линь Исина, придется отыгрывать комедию до конца.

Ближе к вечеру Чэнь Цинъюй собственноручно приготовила ужин, вся семья купила торт, и они вот так отпраздновали день рождения Линь Исина.

Ничего не поделаешь: устраивать грандиозный размах для детского дня рождения было бы странно. К тому же Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнань прекрасно знали характер Линь Исина — друзей в классе у него не было, да и шумные компании он не жаловал.

Линь Исин получил подарки от Линь Ваньнаня и Чэнь Цинъюй, а затем бросил косой взгляд на Линь Шэня и заметил, что тот, судя по всему, и не думал дарить ему что-либо.

Он опустил глаза, пряча за ресницами разочарование, после чего тихо произвел Линь Ваньнаню и Чэнь Цинъюй: — Спасибо, папа, мама.

Линь Шэнь же, напротив, был невероятно воодушевлен и с предвкушением спросил: — Торт уже можно резать?

Он любил сладкое. Черный лес, брауни, муссы, чизкейки... любые виды! Фрукты, сливки и шоколад — всё это было для него источником чистого счастья!

На столе стоял искусно украшенный кремовый торт, усыпанный фруктами, а поверх него красовался крошечный домик из неизвестного материала. Рядом с ним стояли четыре миниатюрные фигурки, вылепленные с поразительной детализацией.

Папа, мама, старший брат и младший братик — целая семья, уменьшенные копии их самих.

— Погляди-ка на Шэнь-шэня, слюнки так и текут, ешь давай, — улыбнулась Чэнь Цинъюй, вынула из четверки фигурок папу и отправила его себе в рот.

— Муж, я тебя съела.

Она по-прежнему вела себя как юная девушка, сияя открытой, полной молодости и энергии улыбкой. И совершенно не осознавала, что ее слова могут навести Линь Ваньнаня на пошлые мысли.

Линь Ваньнань извлек из композиции фигурку мамы и, отправляя ее в рот, бросил на Чэнь Цинъюй многозначительный взгляд: — Разве ты не наелась прошлым вечером?

Линь Шэню стало неловко...

Не надо думать, что раз я маленький, то ничего не понимаю... На самом деле я всё-сего-навсего секучу.

И пока Линь Шэнь стоял с каменным лицом, Линь Исин уже протянул руку и взял миниатюрного Линь Шэня.

Линь Шэнь: ???

Линь Исин неотрывно смотрел на зажатого в пальцах Линь Шэня, и в его глазах заплямовали искорки улыбки... Какой же он милый, даже есть жалко.

— Брат, то, что ты держишь — это я, — шепотом напомнил Линь Шэнь. — Ты тот, который повыше.

— Угу, я знаю.

После этого Линь Исин откусил кусочек от фигурки «его самого». Нежный и мягкий вкус оказался невероятно сладким, и веселые искорки в его глазах стали еще ярче.

У Линь Шэня внутри всё похолодало. Почему это у него по спине побежали мурашки?

Пресвятая дева Мария... Когда Линь Исин откусил «ему» голову, его взгляд... казался каким-то фанатичным?

До боли болезненное зрелище... До чёрта жутко.

У Линь Шэня мурашки по коже пошли. Фигурки были донельзя милыми, и даже если их создали, чтобы съесть, дизайн задумывался невероятно милым... Как у Чэнь Цинъюй и Линь Ваньнаня — съел и никаких странных ассоциаций.

Но почему же Линь Исин ел с таким пугающим выражением...

Он ел слишком сосредоточенно, в глазах полыхал фанатичный огонь, а в уголках губ затаилась леденящая, призрачная улыбка... казалось, он и вправду...

Линь Шэнь моготь тряхнул головой. Какого чёрта он вообще себе воображает? Пусть Линь Исин и небольшой психопат, но не до такой же степени... не настолько же сдвинулся по фазе, чтобы рушить все моральные устои.

Да, это наверняка просто померещилось.

Серьезно, легкомысленный и толстокожий Линь Шэнь тут же вновь попался на удочку манящего сладкого торта.

Есть сахарного человечка он больше не решался, поэтому налетел на фрукты.

Взгляд Линь Исина вновь потемнел, выражая явное недовольство. Он ухватил Линь Шэня за рукав: — Ты почему меня не ешь?

Тон... звучал так, будто его обидели?

Но то, что он говорил... почему это звучало настолько жутко?

— Я... я не хочу, я лучше фрукты поем, — с натянутой улыбкой произнес Линь Шэнь, чувствуя,

как внутри зашевелился страх.

Линь Исин вытащил свою миниатюрную копию и поднес прямо к губам Линь Шэня, упрямо требуя: — Съешь.

Что за человек, откуда такие странные вкусы, вечно заставляет есть себя. Линь Шэнь мотал головой, мотал и снова решительно затряс ею.

— Значит, от всей семьи остался только я... — Линь Исин опустил глаза, и в его облике проступило одиночество. — Шэнь-шэнь, я тебе не нужен?

Его голос звучал так жалобно, что у Линь Шэня сердце кровью обливалось. Сглотнув слюну, он резким движением забрал маленького Исина и целиком закинул в рот.

Говорят, что при таких расстройствах, как у Линь Исина, психика невероятно ранимая. Если показать ему неприязнь, это запросто может ранить парня. А если останется какая-нибудь психологическая травма, будет совсем худо...

На смену скорби в глазах Линь Исина мгновенно пришел глубокий, скрытый блеск, тут же исчезнувший бесследно.

Проглотив угощение, Линь Исин продолжил невозмутимо уплетать фрукты и крем... Похоже, он принадлежал к числу тех уникалов, кто способен поглощать тонны крема и никогда от этого не испытывать пресыщения.

Наевшийся до отвала Линь Шэнь растекся по дивану, млея от блаженства... Что же делать, как же хорошо~

Линь Исин, казалось, видел крошечные звездочки на дне глаз Линь Шэня — те самые, что мерцали и переливались... Шэнь-шэнь и вправду безумно любит сладкое, да к тому же после него он выглядит таким счастливым? Небо окончательно потемнело. Линь Ваньнань заявил, что сильно хочет спать, и наотрез потащил с собой Чэнь Цинъюй... Линь Шэнь сделал вид, что ничего не понимает.

Как только оба взрослых ушли, в просторной гостиной остались только двое детей.

— Брат, подай мне вишню, — лежа на диване, попросил Линь Шэнь, объевшись и поленившись двигаться.

Линь Исин протянул руку, поднеся вишню к губам Линь Шэня. Тот приоткрыл рот и случайно прикусил ему кончик пальца.

Покалывающее ощущение заставило Линь Исина необъяснимо встрепенуться, кора головного мозга активизировалась, а кровь в жилах слегка забурлила.

Он видел, как Линь Шэнь проглотил вишню, а его довольное и счастливое выражение лица выглядело невероятно милым и притягательным.

Линь Шэнь такой красивый.

очарованно подумал он.

Слово «красивый» всплыло в голове Линь Исина, и лишь с запозданием он сообразил, что вообще-то «красивой» обычно называют девочку...

Как он мог счесть красивым Линь Шэня?

Но при этом он прекрасно понимал, что не ошибся в оценке.

Линь Шэнь действительно очень красив и к тому же невероятно мил.

Тогда... почему у него возникли такие мысли? И откуда берет начало эта странная, но подлинная мысль?

Линь Исин отвернулся — он больше не мог продолжать пялиться на Линь Шэня. Но стоило ему отвести взгляд, как он увидел на экране телевизора обнимающихся... и целующихся мужчину и женщину. Он тоже хотел быть с Линь Шэнем вот так...

И дело было не только в прикосновении губ к губам: он жаждал чего-то более глубокого, такого же сплетения губ и языков, какое видел по телевизору.

И не только тайком, в тишине глубокой темной ночи. Он жаждал близости, чтобы и Линь Шэнь тоже бодрствовал и обнимал его в ответ.

Конечно, при условии, что они вырастут.

Если они с Линь Шэнем станут взрослыми, можно ли будет предаваться таким ласкам, как он мечтает?

Но... те ласки и близость, которых он жаждал, возможны только между возлюбленными.

Значит, он хочет... стать возлюбленным Линь Шэня?

Двенадцатилетний Линь Исин неподвижно сидел на диване. В его голове будто что-то взрывалось, и в конце концов осталась лишь одна мысль.

Кажется, он любит Линь Шэня.

Но как парень может любить парня? Никто ему об этом не говорил, и сам он никогда не знал, поэтому испытал легкий испуг.

Этот страх перед неведомым преследовал Линь Исина весь подростковый период, делая его чувствительным, осторожным и слегка неуверенным в себе.

Он тайком любил Линь Шэня, бережно пряча свою любовь в темном месте, скрытом от дневного света.— Брат, ты покраснел.

Линь Шэнь впервые видел, как Линь Исин краснеет. На его обычно бледном, почти прозрачном лице сейчас проступил подозрительный румянец.

Какое неожиданное милое несоответствие! Просто умора.

Посчитав это забавным, Линь Шэнь приподнялся с дивана и подался к нему:

— Ты что, смутился оттого, что в телевизоре люди целуются? Ха-ха-ха...

Линь Шэнь разразился звонким смехом, но заметил, что Линь Исин покраснел ещё сильнее.

Его раскусили, поэтому он и залился краской ещё больше. Так думал Линь Шэнь.

У кого не было наивной поры, когда от видов поцелуев и объятий по телевизору сердце начинало биться чаще? Он прекрасно это понимал, а потому хлопнул Линь Исина по плечу.

— Брат, не стыдись, подумаешь — поцелуй! Когда подрастёшь ещё немного, тебя ждет куда более удивительный мир!

Будто бы бывалый человек, бесстыдно поучая младшего, Линь Шэнь наставительно произнёс:

— Скоро у тебя начнётся пубертатный период, нужно смотреть на вещи проще, впереди тебя ждёт столько неизведанного.

Когда вырастешь и заведёшь девушку, вы наверняка будете и целоваться, и обниматься. Так что не нервничай, ха-ха-ха...

Линь Шэнь продолжал говорить и вскоре зашёлся безудержным смехом. Ничего не поделаешь, сейчас Линь Исин выглядел до чертиков глупо.

Столько времени он звал его братом, и вот наконец представился шанс взять реванш.

Линь Исин посмотрел на него и спросил:

— А девушка согласится?

Ась? Линь Исин имеет в виду... согласится ли девушка позволить ему целовать её? Раз уж она его девушка, конечно согласится.

— Согласится, она непременно согласится.

Сказав это, Линь Шэнь спрыгнул с дивана:

— Пойдём, брат, прогуляемся на улице.

В голове у Линь Исина стоял гул, и билась лишь одна-единственная фраза: Согласится, он непременно согласится... — Ты чего зависи? Подумаешь, в телевизоре целуются, неужели из-за этого мозги набекрень? Или ты о какой-то однокласснице мечтаешь? Ха-ха-ха-ха...

Линь Шэнь смеялся, одновременно ухватив его за руку и вытягивая наружу.

Линь Исин вышел вместе с ним на улицу — снег уже прекратился.

Землю покрывал толстый слой пушистого мягкого снега, который при каждом шаге издавал удивительно приятный хруст.

Звук шагов Линь Шэня по снегу отдавался в ушах Линь Исина словно зачарованное заклинание лесного духа, сводящее его с ума.

Он просто следовал за шагами Линь Шэня, замороженно двигаясь вперед.

Будто бездушный раб, чей разум полностью похитил хозяин по имени Линь Шэнь.

— Братец... — Линь Шэнь неожиданно обернулся и улыбнулся ему, и в этой лучезарной улыбке проскользнуло немного озорной лукавности.

Линь Исин так и стоял на месте, не двигаясь.

Он позволял ему баловаться.

И действительно, в следующую секунду Линь Шэнь внезапно подался вперед и засунул слеппенный снежный комок Линь Исину за воротник.

Зимняя стужа, пробирающая до костей холодом. Но стоило Линь Исину взглянуть на близкое лицо Линь Шэня, сияющее летним теплом, как по всему его телу разлилось лишь мягкое тепло.

Линь Шэнь моргнул, убедившись, что Линь Исин никак не реагирует. Тот тупо стоял на месте, даже брови не нахмурил, а выражение лица было почти... мягким?

Линь Исин часом не дурачок ли?..

Линь Шэню стало скучно его дразнить, и он пошел дальше:

— Братец, с тобой совсем не весело, а я ведь хотел поиграть с тобой в снежки.

[Хозяин, выбрось из головы мысли о снежках. Ты серьезно думаешь, что главный герой станет носиться по снегу словно какой-то безумец?]

Если бы дело дошло до снежков, Линь Исин наверняка глупо бы стоял на месте, позволяя Линь Шэню закидывать себя снежками... и, пожалуй, даже считал бы это высшим наслаждением.

Что значит «ты серьезно думаешь, что главный герой станет носиться по снегу словно какой-то безумец?» По мнению Система 001, он, Линь Шэнь, что, сам похож на маленького безумца?

[Хозяин, некоторые вещи лучше оставлять невысказанными — так будет полезнее для нас обоих.]

Линь Шэнь помрачнел. Оглянувшись, он заметил, что одежда Линь Исина в районе воротника слегка промокла.

Он только что засунул снежный комок за шиворот Линь Исину, а этот парень даже не попытался его вытащить... в итоге снежок просто растаял внутри.

Если это не глупость, то что тогда? Линь Шэнь даже не представлял, как с таким умом Линь Исин вообще умудрился стать главным героем.

— Братец, тебе совсем не холодно? Снег уже растаял, а ты до сих пор его не вытряхнул?

Линь Шэнь подошел ближе и просунул руку за воротник Линь Исина, пытаясь вытащить остатки снега.

Линь Исин замер на месте, его тело непроизвольно напряглось.

Из-за растаявшего снега пальцы Линь Шэня скользили по влажной и холодной коже, сквозь ледяную сырость он смутно ощущал, что тело Линь Исина словно пышет жаром.

— Братец, давай-ка вернемся в дом, я вижу, с твоим телом что-то не так, будет нехорошо, если ты подхватишь простуду или лихорадку...

Приговаривая это, Линь Шэнь вытащил превратившийся в маленький кусочек снежок и небрежно швырнул его в воздух.

— Шэнь-шэнь, ты же хотел поиграть в снежки.

Он не хотел разочаровывать Линь Шэня.

— Больше не хочу. Линь Исин — бревно бревном, с ним наверняка тоскливо.

— Если хочешь поиграть, я составлю тебе компанию.

Линь Исин скатал из снега комок.

Линь Шэнь подумал, что этот парень собирается запустить в него снежком, положив начало настоящей битве.

Но... судя по всему, они с Линь Исином находились на совершенно разных волнах.

Линь Исин выпрямился и протянул ему снежный шар:

— Шэнь-шэнь.

Псих ненормальный, какой идиот в игре в снежки отдает снежок противнику?!

— Зачем ты мне его даешь?

— Чтобы ты бросил.

С абсолютно невозмутимым выражением лица и предельно искренним тоном Линь Исин окончательно вогнал Линь Шэня в ступор.

— Ладно-ладно, отбой. Пожалуй, нам лучше пойти умыться и лечь спать.

Линь Исин посмотрел на него и с грустной ноткой опустил ресницы:

— Шэнь-шэню не весело?..

Линь Шэнь изобразил классическую горькую усмешку мастера комедии:

— Весело, весело, мне безумно весело.

Линь Исин протянул руку и мягко прижал снежный ком к лицу Линь Шэня:

— Но мы ведь еще не поиграли в снежки.

Линь Шэнь вздохнул:

— Ладно уж, неважно, играем мы или нет... Я ведь затеял это вовсе не ради себя.

— Я просто хотел, чтобы ты повеселился, побегал и порезвился, как обычный ребенок, чтобы в тебе появилась жизнь и энергия. Но теперь я вижу, что эта затея была неосуществимой.

Он просто хотел, чтобы Линь Исин хоть немного порадовался.

Линь Исин посмотрел на покрасневший от мороза кончик носа Линь Шэня:

— Тогда давай вернемся в дом.

Линь Шэнь и Линь Исин разошлись по своим комнатам.

<http://bllate.org/book/24751/2923912>